

Река
течёт
вспять
по вторникам

Юлия Черкасова

18+

Юлия Черкасова

Река течёт вспять по вторникам

«Автор»

2026

Черкасова Ю.

Река течёт вспять по вторникам / Ю. Черкасова — «Автор»,
2026

Современная Россия, 2026 год. Берег реки в средней полосе - лес, песчаная отмель, тихая вода. Компания молодых людей в палаточном лагере. Мир в целом - наш современный, но в нём существуют пространственные аномалии, реагирующие на эмоциональную уязвимость людей. Основное действие разворачивается внутри замкнутой системы палаток-матрёшек - слоёв альтернативных реальностей. В каждом слое своё время, свой год, свои вещи. Герои физически существуют в слоях: хотят есть и пить, стареют, могут погибнуть от голода и потерять друг друга. Главная героиня Илона - Ло- и её возлюбленный Родион - Ро- пытаются выбраться из каскада слоёв, где находят артефакты своих несбывшихся жизней. Преодолеют ли они искушение лучшими мирами и сохранят ли свой союз? Ведь Ро так мечтает о детях, которых ему никогда не сможет подарить Ло...

© Черкасова Ю., 2026

© Автор, 2026

Юлия Черкасова

Река течёт вспять по вторникам

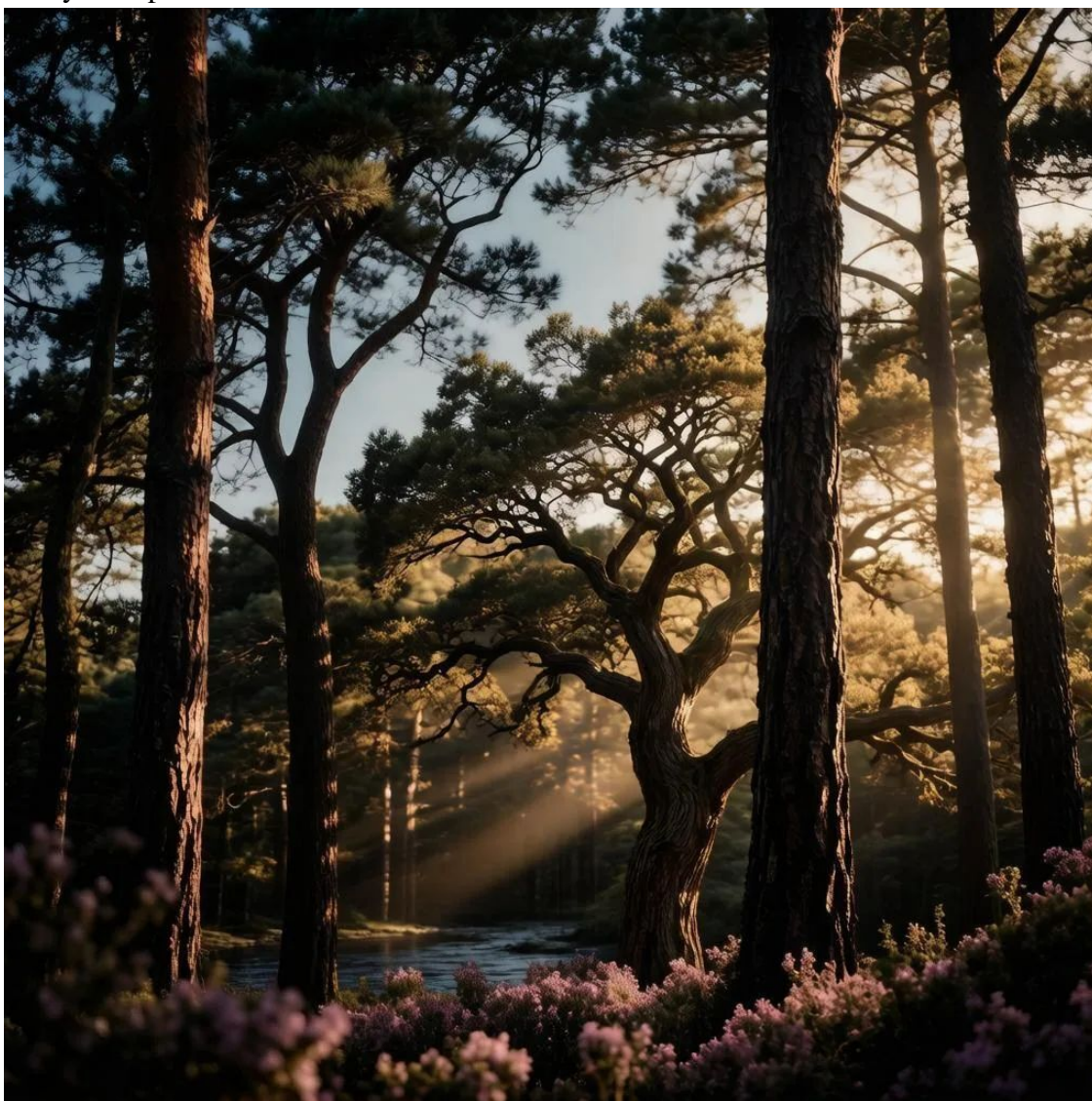
Глава 1 Обычный понедельник

Обычный понедельник

Грунтовка закончилась внезапно - так всегда обрываюся хорошие дороги; колёса ещё дважды подскочили на жилистых дубовых корнях, машина встала боком к реке.

Илона открыла дверь первой, раньше, чем Родион успел заглушить мотор.

Густой, тягучий солнечный свет здесь не падал с неба, а струился. Вековые стволы корабельных сосен уходили прямо в синеву, словно колонны, подпирающие свод из тёмной хвои. Между ними по - хозяйски раскинули кроны могучие дубы. Плотный, настоящий на смоле и солнце, воздух можно было пить. Пахло нагретой сосновой живицей и цветущим у подножия старого дубы вереском.

Илона прислонилась спиной к сосне и почувствовала её живое ровное дыхание.

- Приехали, Ло! - сказал Родион, выходя из машины, и поцеловал чуть уставшую подругу в загорелое плечо.

- Приехали, Ро! - подтвердила Илона. Она едва заметно вздрогнула, как просыпающаяся кошка, и на долю секунды зажмурилась - было хорошо.

Дальше пошёл обычный лагерный хаос.

Компания из двух девушек и двух молодых людей радостно окунулась в атмосферу давно запланированного недельного отдыха с палатками, шашлыком и купанием.

- Крис! - раздался голос Тимофея, - заberi свой пакет с бадминтоном!

Кристина - блондинка с двумя тугими косичками и милым кукольным личиком - мелкими быстрыми шагами направилась к багажнику, из которого торчали сумки, коврики и надувной матрас.

Она была худая, даже слишком. Узкие ключицы выпирали над воротником рубашки, а запястья были таким тонкими, что казалось, будто её руки постоянно мёрзнут - Ро часто хотел согреть эти миниатюрные ладони в своих больших и горячих руках.

Родион подхватил канистру с водой и большой рюкзак разом. Кристина тянула из чехла дуги для палатки, потом присела на корточки над её колышками; Ро - уже поставив канистру - шагнул к девушке, чтобы придержать ткань, пока она вгоняла колышек в песок.

Илона видела это краем глаза, разбирая свой рюкзак. Ничего не было. Совершенно ничего - просто двое ставят палатку, человек помогает человеку. Она отвернулась к своим дугам и почему-то запомнила: как он придержал угол, как Крис подняла на него лицо и тихо - вполголоса - засмеялась. Илона запомнила всё это и убрала, как убирают в карман камешек, сама не зная зачем, но думая, что пригодится.

Свою палатку Ро и Ло поставили молча, вдвоём - и это было почти приятно. Семь лет отношений - это когда не надо говорить, кто держит, а кто продевает. Она подавала дуги, он вставлял их в люверсы, ткань набирала форму, вставала тугим куполом. Он натянул оттяжку, она вбила колышек - раз, второй; сухой песок держал плохо, и Ло надавила ногой, наваливаясь.

- Дай сюда, - Родион забрал у возлюбленной молоток, но не грубо, а с заботой, по- доб- рому.

Их руки на секунду встретились на рукоятке, - тёплая, знакомая, чуть шершавая ладонь - она не отняла свою сразу, он тоже. Потом молоток перешёл к Ро полностью, и всё поехало дальше по накатанной. Так ходят по дому в темноте, не задевая мебель. "Инерция", - подумала Илона и сама удивилась, - Почему инерция, а не что-нибудь потеплее?

- Криво, - сказала она, отступив и оглядев палатку.

- Нормально, - не согласился Ро. Он выглядел усталым и немного раздражённым.

- Вход в палатку смотрит на реку. Утром солнце будет в лицо, - не унимались девушка.

- Значит, будем рано вставать. - Он всё-таки развернул купол на пол-ладони.

- Так?

- Так.

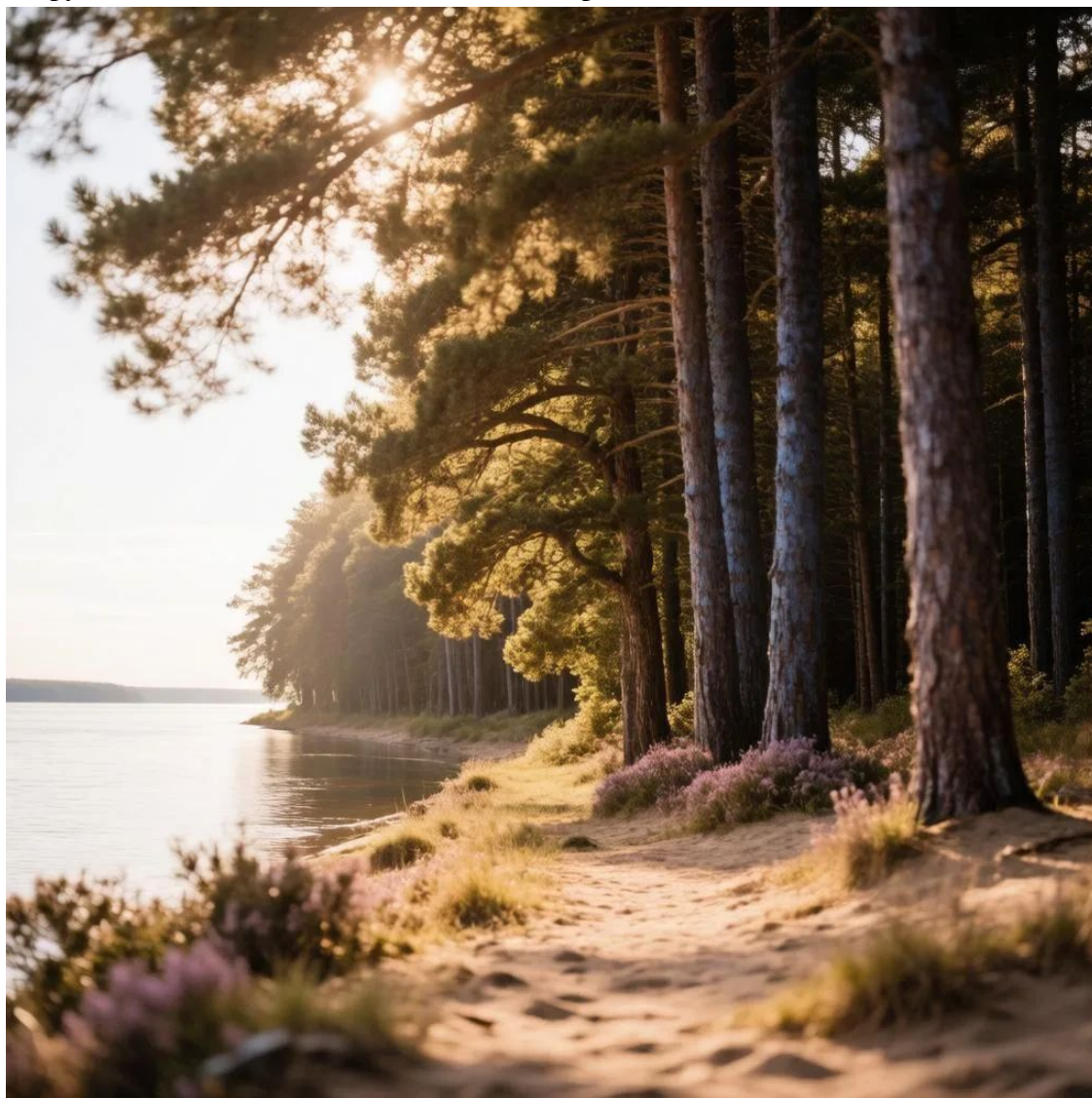
Лагерь собирался быстро, как всегда собирается, когда людей много и все в хорошем настроении. Кристина раскладывала на клеёнке помидоры, огурцы, яйца, хлеб; сыр из запотевшей упаковки она резала на доске, положенной на пенёк. Пахло арбузом, который кто-то разбил ножом с сухим треском. Над водой висели стрекозы, неподвижные, будто приколотые.

Ро ушёл за дровами - Илона слышала, как он ломает сушняк в подлеске : сухой, отчётливый звук. Ло села на свёрнутый коврик у палатки и просто смотрела на реку.

"Вот так и должен выглядеть отдых", - думала она : вода, сосны, свои люди, впереди - дни, в которых ничего не надо решать; дни, когда можно быть просто счастливой без причины - потому что лето, тёплая вода и рядом человек, с которым семь делишь жизнь.

Ро вышел из подлеска с охапкой сушняка, свалил у будущего кострища, разогнулся, вытирая руки о шорты. Поймал её взгляд через весь лагерь и подмигнул - просто так, без повода. Ло подмигнула в ответ и почувствовала, как теплеет в груди, но одновременно с этим ощущением возникло другое - как будто кто - то натянул внутри неё невидимые струны.

"Ерунда", - сказала она себе. - Устала, четыре часа в машине."

Поверхность реки играла ослепительными бликами, словно кто - то рассыпал множество серебряных монет. От воды тянуло свежестью, пахло мокрыми булыжниками и водорослями. Илона подняла с берега круглый трёхцветный камень, бросила его и долго любовалась расходящимися по воде идеально ровными кругами.

Её волосы, цвета горького шоколада с медными искрами на солнце, всегда были в лёгком беспорядке - ни заколки, ни ленты не удерживали их надолго. Тяжёлые пряди мягкими волнами обрамляли лицо, подчёркивая высокие скулы и острый подбородок. Чайного цвета глаза на солнце казались янтарными.

- Хватит грустить, - раздался за спиной голос Кристины. Она уже стягивала через голову футболку и распустила волосы. - Ты, как ленивец. Идём купаться, пока солнце.

Купальник у Крис был жёлтый, почти оранжевый, с завязками на шее, - цвет, который Илона никогда бы не выбрала для себя, потому что с ним нужно было уметь ничего не стесняться - у Кристины это выходило само собой.

Ло встала, стянула сарафан. Песок под ногами был горячий сверху и сырой, прохладный внутри, если продавить его пяткой.

К воде спускались все разом - суется, толкаясь; Родион нёс надувной круг, Крис схватила мяч.

Ло дошла до кромки, где вода лизнула щиколотки. "Тёплая, парное молоко", - заметила она и сделала ещё три шага, чувствуя, как холод поднимается снизу, из глубины. "А здесь уже не очень", - нахмурились девушка и поплыла, чтобы согреться. На глубине она нырнула и быстро вернулась на поверхность. Солнце ударило в мокрые ресницы, всё расплылось на радужные полосы. Она моргнула, разгоняя воду, и берег собрался обратно.

На берегу стоял Родион. "Видимо он только оконулся," - решила Ло и стала махать ему рукой. Ро, к сожалению, не реагировал, он смотрел в противоположную сторону, туда, где Кристина забиралась верхом на надутый ярко - розовый круг. Забиралась, падала, смеялась, брызгались и снова забиралась!

Ло поплыла к берегу. Ровно, спокойно. Вода стала вдруг холоднее, чем была, - или это она замёрзла, пока висела на середине. Ноги нащупали дно. Она пошла к берегу, вода стекала с плеч, и с каждым шагом становилось теплее и тяжелее - воздух после воды всегда тяжёлый. Ро повернул к ней голову и улыбнулся так, как улыбался всегда, - не парадно, а как своим, чуть щурясь, одним углом рта, и в этой улыбке было всё то, что она любила: он рад ей, он ждал её.

- Ну как там? - спросил он. - Холодно у дна?

- Как в проруби. - Илона отжала волосы, и струйка потекла по спине.

- Я говорил. - Он засмеялся.

Всё было как обычно. Совершенно как обычно.

И всё равно Илона положила ещё один камешек в свой воображаемый карман и нащупала первый - он был на месте и никуда не делся.

Она села на песок, обхватив колени, и смотрела, как Родион заходит в воду - медленно, привыкая - и как Крис ждёт его у глубины, махнув рукой. Солнце грело мокрые плечи.

Огонь занялся не сразу - дрова были сыроватые. Тимофей минут десять ползал вокруг на коленях, дул, ругался, добавлял бересту. Потом что-то щёлкнуло, повалил белый дым, и снизу, из-под серого, вдруг вылезло рыжее, живое. Все обрадовались так, будто он и правда совершил что - то особенное.

Ло сидела на бревне, поджав ноги, в толстовке поверх сарафана. Рядом сел Ро - она почувствовала это раньше, чем увидела: плечо к плечу, тёплое сквозь ткань, знакомое до последнего сантиметра. Он всегда садился именно так, чуть заваливаясь на неё, будто ему нужна была опора, хотя опора была не нужна - просто привычка тела, семь лет привычки. Пахло дымом, и жареным хлебом, и рекой, которая к ночи начала отдавать сыростью.

Достали гитару. Не для того, чтобы петь, - так, тренькать между разговорами, чтобы руки были заняты.

- ...и вот я стою, - рассказывала Кристина, размахивая веткой с наколотым куском хлеба, - а он мне на полном серьёзе: «Девушка, а вы не пробовали просто не бояться?» Я говорю: "Пробовала! Не помогло." А паук всё это время сидит у меня на плече!

Смех пошёл кругом, тёплый, легкий. Ро тоже засмеялся - коротко, горлом, откинув голову. Ло засмеялась вместе со всеми, потому что было и правда смешно, и потому что не смеяться было бы странно.

И где-то отдельно от смеха внутри неё завёлся счётчик.

Секунда. Две. Три. Он всё ещё улыбался. Смотрел на Крис. "Потому что она говорит, вот и всё", - чётко, по - взрослому объяснила сама себе Илона. "Все смотрят на того, кто говорит".

Но счётчик не остановился.

Она отвела глаза в огонь. Смотреть в огонь было легче - там ничего не считалось.

И тут её понесло. Тихо, исподволь, как несёт лодку без вёсел. Она поймала себя на том, что снова стоит по пояс в реке, и Ро на берегу смотрит на воду. Нет, не на воду. Он смотрит на Крис. Он любит её, но не как произведением искусства, а с желанием обладать, присвоить и ни с кем не делить.

Ло моргнула.

Ничего этого не было. Она это сейчас сочинила - прямо здесь, у костра, дописала за него мысли, как режиссёр придумывает реплики. Ло это ясно поняла - и всё равно сцена никуда не делась, стояла перед глазами готовая, отлитая, как настоящее воспоминание.

«Я это выдумала», - сказала она себе.

«Но ведь могло быть и так», - ответило что-то.

Ро положил ей руку на колено.

Просто положил - не глядя, продолжая слушать Крис, кивая на её слова. Ладонь тяжёлая, тёплая, привычная. Он делал так постоянно, тысячу раз: сидит, разговаривает с кем-то, а рука сама находит её колено и ложится, будто отмечает - вот она, здесь, никуда не делась. Раньше ей это нравилось до слабости. Это значило: он помнит про неё, даже когда занят другим.

Она накрыла его руку своей и не поняла, что чувствует: то ли злится за то, что жест автоматический, что рука легла сама, без него, без мысли о ней, то ли тает, потому что он всё-таки вновь выбрал её. Два чувства стояли рядом и не мешали друг другу, и это было хуже всего, это создавало неопределённость.

Она сжала его пальцы. Он сжал её пальцы в ответ, не оборачиваясь.

Костёр оседал. Крис зевнула, потянулась, объявила, что если сейчас не ляжет, то заснёт прямо тут и её съедят комары. Тимофей побрёл к своей палатке, спотыкаясь о колышки. Гитара смолкла. Кристина уходя чмокнула Илону в макушку - «спокойной ночи, красивая!» - от неё

пахнуло дымом и чем-то сладким, кремом или духами, и Ло почему-то запомнила этот запах, зацепилась за него.

Все разошлись, они остались вдвоём. Угли дышали красным, подёргивались серым по краям.

- Хорошо сегодня, - сказал Ро.

- Хорошо, - согласилась Ло.

Он подбросил веточку, посмотрел, как она занялась.

- Завтра к тому берегу сплаваем? Ты не доплыла.

- Доплыла бы.

- Не спорю.

Пауза легла между ними - длинная, мягкая. Такая пауза, в которой полагается прислониться к плечу, и молчать, и слушать, как трещит уголь, и чтобы этого было достаточно. Ло чувствовала, как эта пауза лежит и ждёт, чтобы стать нежной.

Но она такой не стала.

Что-то не отпустило - те самые камешки в её невидимом кармане, никуда не девшиеся с обеда. Ло сидела рядом с Ро, держала его руку, смотрела в общий огонь - и внутри всё было чуть-чуть не так, на один градус холоднее, чем должно быть у догорающего костра с человеком, которого любишь семь лет.

- Пойдём? - сказал Ро.

- Пойдём. - отозвалась Ло.

Он встал первым, подал ей руку. Она взялась. Всё было как надо. Совершенно как надо. Она даже сама не смогла бы сказать, что именно не так.

Тугая молния на палатке, сомкнувшись, разделила мир на «снаружи» и «внутри». Внутри пахло нагретым за день нейлоном, немного её кремом от загара, немного - Ро. Этот запах она узнала бы вслепую из тысячи: тёплая кожа, что-то дымное от костра, что-то ещё, чему у неё не было названия за семь лет.

Ро возился со своим спальником - застёжка заела, он дёргал её, тихо чертыхался, и палатка вздрагивала от его движений. Ло легла на спину, вытянулась, подложила руки под голову и стала смотреть вверх. Там ничего не было - просто тьма, чуть светлее сверху, там, где сквозь ткань пробивалась луна. Илона смотрела в эту тьму так, будто в ней что-то могло проявиться.

- Всё, - сказал Ро. Застёжка наконец поддалась. Он завозился, устраиваясь, и его плечо легло рядом с её плечом, тёплое сквозь два слоя ткани.

- Обещали ясно завтра, - произнёс он в потолок. - С утра туман, потом разгонит.

- Угу, - отозвалась девушка.

- Вода прогреется. К обеду совсем нормально будет.

- Угу.

Пауза. Слишком длинная для «угу». Такая пауза, в которую можно было ещё что-то сказать - и она это чувствовала, чувствовала, как молчание набирает вес, как капля на кране, которая вот-вот сорвётся и нарушит тишину.

Она открыла рот.

Хотела сказать: сегодня на воде, когда я обернулась - ты смотрел не на меня! Хотела сказать про берег, про то, как Крис вытягивала руки над головой на солнце, и как у Ро дрогнуло что-то в лице. Хотела попросить: скажи мне, что я это выдумала. Просто скажи - и я поверю.

Но слова не шли. Они были одновременно слишком маленькие - потому что, если произнести их вслух, они превратятся в пустую придирку, в «ты смотрел на неё», в то, из-за чего ссорятся мелочные люди, а она не мелочная, она себе это твёрдо обещала. И слишком большие - потому что за ними стояло что-то, чему она сама боялась дать имя. Что-то про семь лет их совместной жизни.

Илона закрыла рот.

- Ты чего? - спросил Ро. Не встревоженно, сонно.

- Ничего. Комар.

- Прибей.

- Улетел.

Он усмехнулся куда-то в темноту, повернулся на бок - к ней спиной, как всегда, и подтянул спальник к плечу.

- Спокойной ночи, Ло.

- Спокойной ночи, Ро.

Она лежала и слушала - его дыхание менялось быстро; она знала эти стадии наизусть: сначала ровное и глубокое, потом чуть медленнее, потом - тот самый провал, короткий выдох длиннее вдоха, после которого он уже там, где её нет. Ро всегда засыпал так - за пять минут.

Раньше она ему завидовала. Сама лежала часами, перебирая день, а он рядом уже спал, спокойный, как вода в затоне.

Вот он и провалился. Дыхание стало тяжёлым, размеренным, чужим.

Ло смотрела в его спину.

Семь лет. Она знала, что он не ест корку у хлеба и оставляет её на краю тарелки, как ребёнок. Знала, как он держит вилку, как ругается, когда роняет ключи, знала, что он боится темноты в подъезде, но никогда в этом не признается. Ей казалось, что она знала про него всё.

И в то же время не знала, о чём он думал сегодня днём, когда смотрел на воду, когда смотрел на Крис. Не знала, о чём он думал, засыпая. Семь лет - это очень долго, чтобы лежать в полуметре от человека и не иметь ни малейшего понятия, что происходит за этой тёплой, знакомой, дышащей спиной : может, там пустота, а может - целый другой мир, в который её никогда не пускали.

Илона придвинулась ближе. Прижалась лбом к его лопатке - к той самой, с родинкой. Он не проснулся, только вздохнул во сне глубже, и его спина поднялась и опустилась, унося её лоб вверх и вниз, как лодку на волне.

Снаружи была река. Она слышала её - не звук даже, а присутствие, тихое движение большой воды в темноте, ровное, старое, безразличное к ним обоим. Где-то далеко, у соседнего лагеря или у моста, смеялись. Женский смех, потом мужской, потом плеск : кто-то ещё купался в ночи. Смех прокатился по воде и стих, и снова осталась только река.

Ло закрыла глаза.

Она не собиралась спать. Она это знала про себя - что сейчас начнётся, всё то же самое, круг за кругом: вода, Крис на солнце, дрогнувшее лицо, «я выдумала», «но могло быть и так». Она уже чувствовала, как этот круг набирает ход - и деться от него было некуда, потому что он был у неё внутри, а не снаружи.

Дыхание Ро углублялось. Река текла.

И тогда - за стенкой палатки, у самой земли, там, где ткань касалась песка, - что-то шевельнулось.

Тихо. Почти неслышно. Так, как шуршит трава под ветром или как проводят ладонью по натянутому нейлону - снаружи, медленно, ощупью.

Илона открыла глаза.

Ветра не было.

Глава 2 Искры над сухой травой

Искры над сухой травой

Утро было ясным. Свет сочился сквозь зелёную ткань палатки, сочный и без теней - внутри всё казалось изумрудным, как в банке зелёнки. Ро спал лицом к ней - или скорее к тому месту, где она была до того, как во сне перекатилась. Теперь лицо у него было расслаблено так, как бывает только без сознания: нижняя губа чуть приоткрыта, все складочки и морщины на лице разглажены.

Ло лежала и смотрела.

Внезапно она вспомнила о ночном шорохе снаружи, вспомнила о том, что подняла голову, что слушала, что ветра не было. При свете дня и с Ро вот тут, в тридцати сантиметрах, дышащим ровно и без тревоги, это воспоминание как будто принадлежало другому жанру : может, ящерица; может, кошка из соседнего лагеря - там была кошка, рыжая, они видели её вчера утром.

Снаружи лагерь уже жил. Крис гремела кружками, Тимофей смеялся низким голосом с хрипотцой. Илона расстегнула молнию палатки медленно, стараясь не шуметь, шагнула наружу.

Утро пахло рекой и дымом.

Горячий термос стоял у камней, она обхватила его ладонями, налила кофе в чью-то чужую кружку, устроилась на бревне у угасшего костра. Трава у воды была ещё мокрой. Над рекой висел лёгкий туман - не тот ночной, плотный, а этот дневной, почти несуществующий, просто дымка над течением, которая исчезнет, как только солнце поднимется выше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.